Настал третий день экспедиции.

Несмотря на поразительно быстрое и мощное наступление, причиной которому стала полная неподготовленность противника к военным действиям и превосходство в военном деле, русская экспедиция довольно быстро была остановлена у врат Пекина и Тяньцзиня.

Как можно было бы догадаться, захват неукомплектованных фортификаций противника по реке и штурм столицы – вещи совершенно разные, и если первое ещё можно осуществить без использования артиллерии, то второе – категорически нет.

К сожалению для храбрых вояк, артиллерийские расчёты за стремительным галопом лошадей гусаров успеть физически не могут, а потому к моменту, когда гусарская рота захватила окрестности Пекина, расстояние между ней и артиллерией было уже довольно значительным, в то время как закат дня был не за горами (ночью не воюют, если что), и все понимали, что штурмовать Пекин силами одной только кирасирской роты и двух батальонов пехоты – безумие.

Поэтому Иван решил повременить с началом осады Пекина и сосредоточиться на Тяньцзине, оборона которого была послабее и могла быть использована в качестве испытательной мишени для артиллеристов перед настоящим делом – захватом столицы Китая. К середине дня артиллерийские расчёты в полном составе прибыли к Тяньцзиню, после чего в течение часа устанавливали орудия на позиции и проводили пристрелку к слабым местам в конструкции стен, обнаруженных снайперами-лазутчиками (они также сняли беззащитного коменданта и других офицеров гарнизона, пока те инспектировали оный на крепостных стенах, но, к сожалению, по видимому, всё же нашёлся человек, сумевший остановить разложение в рядах защитников).

После чего они провели демонстративный огонь из гаубиц по казармам, а вслед за этим принудили одного из пленённых китайцев передать сообщение (его им передал один из переводчиков) гарнизону о том, что если те не сложат оружия и не откроют ворота, то следующей их целью будут дома с их жёнами и детьми.

К сожалению, это не сработало.

Под страхом смертной казни губернатор принудил защитников держать оборону и дальше, после чего орудия начали канонаду по крепостным стенам из Парротов.

Одним залпом были созданы многочисленные бреши в стенах (ущерб оказался гораздо значительнее, чем ожидалось по плану), и губернатор, понявший бессмысленность дальнейшего сопротивления, ввиду полного разрушения единственной линии оборонительных укреплений, капитулировал.

Иван, отправивший после канонады весь отряд карабинеров отконвоировать артиллерию к Пекину как можно быстрее, в то же время вошёл в Тяньцзинь вместе с четвёртым батальоном, в то время как лазутчики повели картографов заносить местный ландшафт на карту.

Войдя в город, первое, что он увидел – как к его ногам, на глазах испуганных солдат, держащих в своих дрожащих руках пики и мушкетеры, и еле видимых лиц, с опаской и любопытством выглядывающих из окон краем глаза, падает ниц раскаявшийся губернатор города, молющий на своём дурацком гуаньхуа Ивана о пощаде.

Иван не знал точно, что именно говорит чиновник, но по происходящему можно было понять, о чём идёт речь. Впрочем, переводчик всё же вставил свои три копейки.

Нет, он, конечно же, действовал исключительно из благих намерений, как и подобает хорошему сотруднику, но о том, что он совершенно испортил Ивану настроение он понял лишь после, когда увидел его насупленную мину, вызванную тем, что его триумф, пускай и малый, прервали по какой-то совершенно глупой причине.

Тем не менее, новоявленный Цезарь не поддался эмоциям и сохранил самообладание, после чего уже сам обратился к переводчику, попросив его перевести губернатору, что он должен принести ему присягу, как своему новому повелителю, а иначе он будет «отстранён» от своей должности.

Растерянный, но решительный в своих действиях по защите своей жизни, а также частично воодушевлённый тем, что Иван не держит зла на него за его отчаянную попытку сопротивления, он начал приносить присягу, как то было принято в Китае, за что, однако, лишь получил по лицу тростью.

Растерянный переводчик второпях перевёл аккуратную и возвышенную речь Ивана, в которой тот уведомил провинившегося чиновника, что он – не слабовольный император-марионетка, а истинный правитель, и присягу нужно ему приносить с подобающим пиететом.

Тот, придя в себя, принёс тысячу извинений за совершённую оплошность и, всё же, выдал из себя максимально помпезную речь, в которой поклялся принять любую волю его нового владыки, какой бы страшной она ни была, а вслед за этим сделал максимально низкий поклон.

Настолько низкий, что казалось, будто бы это не маленький плотный человек, а бумага прижимается к земле со всей возможной силой. Иван, одобрительно кивнув, приказал переводчику зачитать чиновнику список его требований.

Потомок знаменитых албазинцев, служивший у Ивана переводчиком, озвучил, что Иван требует немедленно предоставить пищу и ночлег его солдатам, а также организовать ремонт крепостной стены и немногочисленных пострадавших зданий.

Также, там было озвучено, что в городе на период оккупации устанавливается комендантский час и вводится ночное патрулирование, а осуществление этого нелёгкого дела он оставляет на всё того же бедного губернатора и его помощников в администрации.

Впрочем, были и некоторые приятные мелочи – город освобождается от налогов на время

проведения в нём реформы налоговой системы, отменяются монополии, введённые имперским правительством, отменяется система гильдий и цеховых объединений, а также вводится гражданский кодекс Ивана (кто понял отсылку, дай пятаюню), но с оговоркой, что всё это, кроме отмены налогового бремени, будет введено после окончания режима «чрезвычайной обороны», поэтому на все эти лихие нововведения все даже и не смотрели особо (благо, что многое из этого они даже понять не были способны, в принципе).

<http://tl.rulate.ru/book/35676/1295248>